ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

«HOMO NUMERANS» НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

К. Г. Исупов, О. Н. Ульянова

В последние десятилетия отечественные историки философии уделяют пристальное внимание эпохе Возрождения и особенно Николаю из Кузы. Переводы некоторых его сочинений, осуществленные А. Ф. Лосевым и С. А. Лопашовым еще в 30-е годы, и статья В. Ф. Асмуса[1] положили начало планомерному изучению наследия этого крупнейшего философа XV в.[2], что позволило преодолеть бытовавшее в свое время мнение об отсутствии в эпоху Ренессанса систематического философствования. Интересны наблюдения над стилем мышления Кузанца[3], его эстетическими идеями[4]. Однако за пределами внимания исследователей (за немногими исключениями)[5] остается одна чрезвычайно важная черта мышления раннеренессансного философа — его опора на образ, понятие и категорию числа.

Задачей нашей статьи является попытка ответить на вопрос: какое место в философско-эстетической концепции немецкого гуманиста занимает это понятие и, шире, почему Возрождение настаивает на эстетической актуальности числа как некоей опорной категории? Сформулированный вопрос одновременно и узкий (нетрудно назвать имена ренессансных мыслителей, отнюдь не волновавшихся проблемой числа) и широкий (в детальной разработке этого понятия у Данте, Кузанца, Леонардо, Альберти, Пачоли, флорентийских академиков, Бруно, Галилея, Бёме отчетливо прослеживается реализация каких-то весьма насущных потребностей практического художества и теоретического обобщения эстетического опыта). Актуальность разговора о нумерологической эстетике Николая из Кузы подчеркнута обостренным интересом к числу целого ряда наук о человеке[6].

По условиям неоплатонической культуры мышления, ярчайшим энтузиастом которой был Николай из Кузы, каждый элемент исходной парадигмы категорий (Бог — Единое — Разум — Число — Душа) обладает свойством обмена функциями (в мире категорий) и онтологической взаимозамещаемости (в живом космосе бытия). Это не следует понимать так, что, скажем, для Прокла не важна логико-иерархическая закрепленность Души на своем месте, а Единого — на своем, а для Плотина безразлично, на каком уровне бытия Единое находит соответствие Эросу. Дело в том, что ни в «Первоос-

© К. Г. Исупов, О. Н. Ульянова, 1993

новах теологии», ни в «Эннеадах», предстоящих современнику выразительными памятниками логической строгости неоплатонической дисциплины мышления, не предполагается, что сочлененные в стройную композицию категории следуют одна после другой во времени: они взаимоотражены в пространстве умозрительной конструкции, и только поэтому точкой отсчета может оказаться любой элемент системы, а стало быть, и Число.

Существенной новацией Кузанца было наполнение понятийной архитектуры великих неоплатоников поздней античности пафосом движения. Когда Николай Кузанский перевел сияющую блеском умных чисел, пронизанную энергией Эроса, но неподвижную внутри себя категориальную махину антично-средневекового неоплатонизма на язык динамических категорий «свертывание» и «развертывание» («компликация» и «импликация»), понятийный механизм превратился в онтологический организм. Иначе говоря, Кузанец обогатил концепцию бытия, теорию познания и эстетику тем компонентом, без которого эти формы знания остались бы на сомнительной почве хитроумной силлогистики, -- компонентом деятельности.

Но здесь, очевидно, пора задать вопрос о методе Николая Кузанского. Среди готовых ответов есть определение его метода как инфинитезимального (А. Ф. Лосев), что делает Кузанца прямым предтечей Ньютона и Лейбница. Все это верно, но трудно удержаться, чтобы не напомнить о том, что сама идея бесконечных величин занимала умы не только всего предшествующего Возрождению неоплатонизма, но и античную атомистику периода ранней классики. Но именно Кузанцу выпала историческая миссия довести эту идею до виртуозно сформулированных парадоксов, согласно которым Бог есть абсолютный минимум и абсолютный максимум, в которые сворачивает и разворачивает себя бытийствующий в единстве мир. Подобно этой онтологической процедуре, в единице, которая еще не есть число, в свернутом виде брезжат возможности актуализации любых чисел. Когда мы встречаем у Кузанского мысль о шаре и треугольнике как простейших мерах всего существующего (Об уч. незн. I, 20, 62; I, 23, 72), о том, что Бог, создавая мир, пользовался арифметикой, геометрией и музыкой (Там же. 2, 13, 175; Бер. 20), или о том, что с изъятием числа прекратятся различенность, порядок, пропорции и гармонии (Об уч. незн. I, 5, 13), мы фиксируем, что ничего специфично ренессансного здесь еще нет. Но когда, предвосхищая самой манерой аргументировать аксиоматику Спинозы, Кузанец целые главы уснащает выкладками из стереометрии и математики, а в рассуждениях о совпадающих в бесконечности точке, круге, прямой линии, треугольнике и квадрате дарит позднейшей топологии основополагающую идею, когда в книге «О предположениях» он на основе трижды усложненных триад строит грандиозную картину Универсума, в котором есть все — от «универсальных чисел» высшего неба до «окутанных глубокой тьмой» «чисел нижнего мира» (Там же. 13, 64), мы видим, что перед нами уже не просто очередное попурри на темы платоновского «Тимея», но органичная для эпохи попытка выразить мир как завершенный число-

вой ряд с разумно упорядоченными отношениями. Основа внутренней крепости мира — число как субстанция (число математическое «вытекает по подобию», О душе); «число есть развертывание единства» (Об уч. незн. 2, 3, 108), как и Единое есть «прообраз всех чисел» (Игра в шар. 2, 65).

В соответствии с запросами эпохи и своим статусом (викарий папской курии, кардинал, епископ Бриксена и папский легат) наставник католического мира и теолог считает Троицу онтологическим апофеозом числа. Отступлением от истины будет вульгарное просчитывание ее ипостасей (Об уч. незн. I, 19, 57; Ап. уч. незн. 35 — и там с цитированием Августина на этот счет): «Единство, которое высказывается в Боге, не есть единство математическое, но истинное и живое, охватывающее все, и Троица не есть математическое, но находящаяся в живом соотнесении» (О возм.-быт. 50); Кузанец не раз возвращается к этой мысли (О неин. 5, 18; Ох. за муд. 8, 22; геометрические аргументы см.: Об уч. незн. I, 19, 56; 20, 60; 2, 12, 172; Ох. за муд. 26, 74—6). Не будем относиться к объекту рассуждающей мысли Кузанского как только теологическому: Троица (центральный числовой феномен—метафора эпохи) нередко становилась поводом для диалектического поединка, итоги которого для истории диалектики несоизмеримы по важности с предметом спора. Нам небезынтересна сейчас та идея Кузанца, что его Универсум не механический конгломерат явлений, а живой числовой организм. Число как универсальная субстанция, эксплицирующая себя во времени и пространстве в реальное многообразие явлений, основа бытийного ритма и внутренняя мера всего, что причастно гармонии, — таковы онтологические аспекты этого понятия в системе Николая Кузанского.

Подлинное новаторство ренессансного философа начинается там, где он пытается создать единую теорию деятельности, основное гносеологическое содержание которой есть интеллектуальная жизнь числа. Кузанец намеренно не проводит резких границ между числом — фактом органического бытия (и потому объектом теории познания) и счислением как процессом «разумной деятельности ума» (не в смысле простейших операций счета, но во всем разнообразии познавательных усилий!): «Так как [сам ум] есть живое число, т. е. число исчисляющее, и так как всякое число в себе неразрушимо... то и число нашего ума не может пониматься как разрушимое; но как же тогда создателя числа можно представить разрушимым? Никакое число не может исчерпать способности ума к исчислению <...> Ум из самого себя производит движение умопостигающей мысли, и в этом смысле он является формой движения... Ум, движущий сам себя, — как он может истощиться? Он обладает жизнью, с ним соединенной, благодаря которой он и живет вечно...» (Пр. об уме. I, 157—158). Монолог Кузанца произнесен в пользу бессмертия ума, но заметили ли мы это? Перед нами нечто более значительное: гносеологическая прелюдия к теории деятельности ума как теории числовой по структуре и природе. Агрегаты познания у Николая Кузанского весьма напоминают субъектов Плотина и Прокла и, подобно им, являют собой иерархию взаимно превращенных форм числа:

Бог есть число разума, разум — число души, душа — число тела (О пред. I, 7); «сущность души подобна числам», и тогда она уже не душа, но рассудок (Там же. I, 7, 28). «Число есть не что иное, как развернутый рассудок» и «естественное производящее начало деятельности рассудка»; «исходя из рассудочных чисел нашего ума, мы символически строим предположения о реальных невыразимых числах божественного ума и говорим, что первый прообраз вещей в уме творца есть число...» (О пр. I, 2, 7—9). Отметим этот момент — метод числа есть метод символический (Пр. об уме. 9, 125; 6, 88; О возм.-быт. 60—61; Бер. 36, 63). В свете этих рассуждений число (как форма суждения) есть число и символ чего-то, что выше всякой символики. Символология эта составляет содержание деятельности рассудка, причем «рассудок развертывает это единое искусство дискуссии в четверичной инаковости: он насчитывает 4 множества суждений, 4 модальности, 4 силлогистических фигуры и т. д.» (О пр. 2, 3, 84), — все это весьма напоминает учение Канта.

Система Кузанского как система отражений по преимуществу нуждалась в некоем поясняющем диалектику подобий образе, в котором число сохранило бы все свои акценты сразу: как принцип онтологии и метод гносеологии; как объект, как самоуясняющая и самоосуществляемая экспликация; как эстетическое понятие. Традиция предоставила философу такой образ. Это образ зеркала[7]. «Поскольку познание есть уподобление, — полагает Кузанец, — он (ум. — *Авт.*) обнаруживает все в себе самом, словно в живущем интеллектуальной жизнью зеркале» (Ох. за муд. 17, 50). Раз уж в самой природе Троицы осуществлен принцип зеркальной смысловой взаимообращенности, то и все вещи известным образом «смотрятся» друг в друга. Возводя этимологию слова «Бог» к глаголу «вижу» (О сокр. Боге 14; Об иск. Бога. 27), а в самом зрении предполагая модель зеркала («глаз зеркален») (О вид. Бога. 8, 30); «глаза — з е р к а л а души» (Там же. 22, 94) и говоря Богу: «Значит, ты — око» (Там же. 8, 30), Николай Кузанский готов согласиться с мыслью Платона о том, что весь мир есть царство взаимных созерцаний и зеркальных пересечений (энантоморфизм). Самоочевидная соразмерность мира (а «число есть субъект соразмерности», Пр. об уме. 6, 92) есть «как бы приспособленность зеркальной поверхности к отражению образа» (Там же). Но, подобно Богу, человек располагает методом символа и «оком-зеркалом» (Бер., 53). Точное познание «всех произведений божественного творчества может быть только у того, кто их произвел. И если мы что-нибудь узнаем о них, то только с помощью отражений в зеркале и символического намека ведомой нам математики» (О возм.-быт. 43; см. Бер. I). Лик Божий зеркально отражен в вещах мира (Комп. 8, 24); в довершение всего Кузанец приводит эстетические доводы: мир в той же мере стремится к единству «лица и зеркала», как человеческий интеллект «по-разному обнаруживает себя зримым образом в... искусствах и в... произведениях этих искусств» (Там же). «Этому было бы подобно, — добавляет философ, — такое произведение искусства, которое, совершенно завися от идеи художника, не имело бы другого бытия, кроме этой зависимости... наподобие отражения в зеркале при условии, что это

зеркало и прежде и после отражения само по себе и в себе было ничем» (Об уч. незн. 2, 2, 103). Глубоко важно то, что на перекресток зеркально взаимодействующих созерцаний у Николая Кузанского выходит *человек*. Он между сопоставленными зеркалами Бога и мира перед лицом двойной бесконечности, разомкнувшей в никуда плоскости зеркал. Но он не потерян ни в одной из них, но осуществляет момент их гносеологического «стяжения»: «Ведь человеческая природа имплицирует и заключает в себе бесконечное число созданий... подобно тому, как бесконечное единство заключает в себе всякое число...» (Об уч. незн. I, 22, 68). По знаменитому тезису Кузанца, «в человечности человеческим образом, как по Вселенной универсальным образом, развернуто все, раз она есть человеческий мир. В ней же человеческим образом свернуто все, раз она есть человеческий Бог» (О пр. II, 14, 44). Согласно гуманистической программе Николая из Кузы, «человеческий Бог» держит в руках все перспективы, расходящиеся в разные стороны зеркального Универсума; окрыленный знанием числа и наделенный даром деятельного числового уразумения, человек находит себя богоравным в своих познавательных возможностях существом (О богосын. 3, 66—7).

Концепция числа углублена Кузанским детально разработанной теорией знака. Автор «Компендия» (далее: К) полагает, что «вещь», как она попадает в наше сознание, воспринимается в знаках (К. 2, 5), «все знаки чувственно постигаемы» и делятся на: 1) «понятные от природы» (ими «предмет обозначается в чувстве», это знаки-идеи «единичных означаемых», причем «идеи» эти не «формирующие», а «информирующие», К. 5, 14) и 2) «знаки по установлению» (данные в слове через слух и зрение, они усваиваются «благодаря искусству или обучению», К. 2, 5). «Чувственный знак абстрактнее, чем ощущаемые материальные предметы» (К. 4, 9). Проще говоря, Кузанец предлагает нам различать знаки естественные (облики предметов) и искусственные (конвенциональные).

Зачем Николаю Кузанскому эта семиотика? Чтобы еще раз уяснить место чисел в процессе познания. Числа и есть те вторые, доступные через научение, знаки. Знаки эти обладают антропологическим приоритетом: «Только человек ищет знак, отрешенный от всяких материальных признаков» (К. 4, 10). Словесный знак в ходе его восприятия переживает четыре стадии: знак звука — знак речения — знак речения на определенном языке — знак слова такого-то вида (К. 5, 11). Речь в целом есть «обозначение или определение вещи», «переход от несовершенного к совершенному совершается через четверицу» (т. е.: буква — слог — слово — речь, К. 9, 25). Человек у Кузанца — творец эстетически окрашенного семиозиса: «Человек создает из знаков и слов науку о вещах, как Бог — мир из вещей. Сверх того, подражая природе, он восполняет слова искусствами, служащими украшению, гармонии, красоте, энергии и силе речи...» (К. 9, 26). Современная семиотика в долгу перед простой и глубокой теорией знаковой деятельности Николая из Кузы.

Числовая семиотика Кузанца интересным образом переплетается с необычной теорией ценности. На своем языке, с причудливой игрой на сочетании понятий «ценность», «цена» и «стоимость» ран-

неренессансный философ в финале диалога «Игра в шар» осуществляет попытку придать своему учению о знаках и числовой деятельности ценностный аспект (заметим, что Кузанец вообще стремится не ставить решительных точек, но высветить проблему в максимуме аспектов, — черта глубоко ренессансная!).

Философ пытается создать иерархию ценностей: абсолютная ценность — это, конечно, Бог, высшая — бытие, но здесь, как бы спохватившись и забыв о всяких иерархиях, Николай Кузанский высшей ценностью объявляет «ценность интеллектуальной природы» (К.4, 2, 115). Далее в ход идут знаковые аналогии чекана и монеты, монеты и чеканщика, в рассуждения включается уже знакомая нам по «числу» и «зеркалу» внутриипостасная соотнесенность лиц Троицы: «Через Сына Бог чеканит, или означивает, все» (К. 2, 217). Это не слишком далеко от эйдосов Платона, впечатывающихся в оплотняющую их материю. Николаю Кузанскому дорога другая мысль, — все та же мысль о человеческом Боге: «Если Бог настолько же меняла, насколько монетчик» (в силу естественной присущественности миру), то — по той же причине — «интеллект настолько же монета, насколько меняла» (К. 2, 119). Николай из Кузы дает понять, что речь идет, конечно, не о реальном номинале монет, но о гносеологической ценности и оценке ума (а потому — по природе ренессансного мышления — и об оценке эстетической): «Тут проясняется драгоценность ума: без него все сотворенное было бы лишено ценности, а если Бог хотел, чтобы его создание было оценено как что-то ценное, он должен был создать среди прочего интеллектуальную природу» (К. 2, 14). Как бесконечно далека здесь теология кардинала от гуманизма мыслителя! Нужно обладать поистине ренессансным бесстрашием, чтобы заявить, что всем онтологическим мероприятиям Бога — пока их не достанет человеческое уразумение — «грош цена» в прямом и переносном смысле! Как нельзя более уместно вспомнить здесь ироническую реплику Т. Манна в прологе к тетралогии об Иосифе Прекрасном: «Человек был порожден любопытством Бога к самому себе».

Итак, мы видели, как Николай Кузанский создает теорию числового гнозиса и решительно превращает само слово «число» в имя специфической деятельности, где число — как всеобщий онтологический принцип — есть объект теории познания. Но аспект саморазвертывания в пространстве постигающего ума превращает его в субъект познания, в способность различения и некоего умения порождать знаки.

Обратимся к специально эстетическим акцентам. «В царстве красоты, — говорится в трактате "О красоте", — заключено все прекрасное, которое существует и может существовать; и красота есть вся сущность всего существующего, вся жизнь всего живущего и все понимание всякого ума... В единстве свернутым образом заключено всякое число, в числе — всякая пропорция и соразмерность, а в пропорции свернуто содержится всякая гармония, порядок и согласие и, стало быть, всякая красота...» Николай Кузанский (Кардинал «Игры в мяч») может объяснить «человеческое искусство» только через аналогию с «божественным творящим искусством», когда художни-

ку оставлена возможность подражать «миру-архетипу» (Там же. II, 45); но Кузанский-гуманист не может не противоречить себе, когда он здесь же говорит, что «совершенная цельность Универсума больше просвечивает в человеке, человек оказывается совершенным миром, хоть и малым» (Там же. II, 42), или когда утверждает, что «человек есть Бог, только не абсолютно, раз он человек; он — человеческий Бог» (О пр. II, 14, 143; ср.: Бер. 6, 7).

В эстетической трактовке числа Кузанец приходит к числовой интерпретации Души. Поскольку «наши души одной и той же субстанции с мировой душой... а наши души различаются числом» (Пр. об уме. 12, 142), она, душа человека, есть: 1) запечатление всеобщей родственности живого («все виды живых существ развертывают, наподобие чисел, единую силу человеческой души» (О пр. 2, 16, 156) и телесного («все тела суть число души». О пр. I, 7, 27), и в этом смысле она: 2) знак природы с численным значением сотни (Там же) и 3) поскольку ей подарена возможность суждения, сама по себе является числом разума («суждения души подобны числам». Там же. 1, 7, 28). Но главное — уподобляясь живому числу и созерцая гармонию в себе самой, душа есть: 4) образ красоты и источник эстетического: «Душу можно было бы представить себе как бы живым десятичным числом, которое заключает внутри себя всякое исчисляющее число, а тем самым все то, чем производится во всех вещах пропорция, или гармония, или красота» (О душе). Душа, сопряженная с числом, образует в системе Кузанца аспект эстетического восприятия. Более того, этой воспринимающей, рассуждающей и радующейся красоте Душе суждено в философии Николая из Кузы превратить все гносеологические процедуры ума и всю диалектику свертывания-развертывания (а Душа есть «первая круговая развернутость... и природная свернутость всего временного порядка вещей». Об уч. незн. 2, 9, 145) в одну непрерывную эстетическую процессуальность. В соответствии с тезисом «вся теология составляет круг» (Там же. 2, 4, III) Николай Кузанский и впрямь закругляет виртуозным жестом понятийные горизонты своей системы, возвращая ее к исходным постулатам «свития» и «развития», но уже на языке эстетики; мыслители Возрождения зеркально развернулись лицом друг к другу, чтобы в общей для них точке окончательно сфокусировать ведущее понятие эстетической концепции Кузанца — число: «Когда движимый ощущением слух испытывает наслаждение от прекрасного гармонического созвучия внутри себя и обнаруживает основание этого созвучия внутри себя в числовой соразмерности, то он с помощью числа изобретает науку рассуждения о музыкальных созвучиях, и душа предстает живой единицей этого числа, началом, которое свертывает в самом себе всякое различительное число и из самого себя развертывает число, словно живая искра различительного света...» (Игра в шар. 2, 90).

Отметим, что Николай Кузанский одним из первых в ренессансную эпоху пропагандировал свое «ученое незнание» как праздник ума, веселую охоту за истиной, как «игру мудрости». Только Возрождение могло на одной странице соединить образы небесных сфер, зодиак жизни и детскую игру в волчок, ибо «и в мальчише-

ской забаве отражается природа» (О возм.-быт. 23). Неважно, что это — явная оглядка на Платона и его мысли о софийных играх мудреца; важно, что в этой игре Николаем из Кузы заново открыт тот бескорыстный гедонизм взыскующего истину ума, который делает его не только вполне возрожденческой личностью, но и полноправным партнером в диалоге с днем сегодняшним. Да и стал ли иначе цитировать Николая Кузанского Герман Гессе в самом начале своей прославленной «Игры в бисер»?

Экспликативно-импликативная диалектика Николая Кузанского, как не раз замечено, решительно повлияла на развитие научного и эстетического стиля мышления Ренессанса. Наряду с тем, что эстетические идеи мыслителя из Кузы решительно включились в процессы формирования математического искусствознания, теории перспективы и пропорций, они готовили приход нового типа мироощущения, специфической чертой которого стал историзм. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что именно в этом моменте динамическая Вселенная Кузанца на языке космогонии и неопифагорейско-платонизирующей онтологии сумела внушить гуманистической мысли Возрождения те смутные предчувствия эволюции и прогресса, которые только к XVIII в. станут мировоззренческими сенсациями.

Человек переходного времени и свидетель гибели привычных аспектов мира, Николай Кузанский обладал бесспорным даром ощущения надвигающейся из будущего эпохи с ее небывало учащенным историческим ритмом. Сублимацией этого предчувствия и формой концептуального представительства грядущему стала картина общежизненной динамики и эстетико-числовая теодицея мироздания и человека в нем. Динамизм этот не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать; в историко-эстетической перспективе становится ясным, что на этом пути мысль о природе красоты и созидании прекрасного смогла вплотную подойти к пониманию творчества как деятельности, а эстетического — как отношения.

Реальная ценность наследия Кузанца отражена не только в ближних исторических горизонтах. Специального внимания заслуживают и дальние отсветы идей Николая из Кузы в эпохах, когда рациональное знание и эстетическая практика оказались далеко разведены друг от друга спецификой своих объектов и методов.

Чтобы убедиться в мыслительной энергии репрезентативного наследования, которую излучает Николай Кузанский в «свое» будущее, достаточно назвать три имени, связанных с его системой генетически (Лейбниц), эволюционно (Кеплер) и типологически (Сковорода).

Голос Николая Кузанского отчетливо слышен в известных тезисах Лейбница о «математическом ходе природы» и мире, созданном «Богом-Зодчим» посредством «Божественной Математики», а потому обладающем предустановленным и выраженным в числе совершенством. Теория восприятия, как строит ее Лейбниц, несет в себе черты эстетико-числовые. В «Новых опытах...» сказано, что восприятие нескольких вещей есть представление res numerata; в главу «О числе» введен эстетический аналог термина — «фигура», в котором

индуцирован всеобщий изоморфизм явлений. Увидеть и воспринять, по Лейбницу, означает пересчитать и выразить геометрически. Есть основание полагать, что ведущее в его системе понятие монады (пришедшее к Лейбницу не без воздействия монадологии Бруно, которая, в свою очередь, поддержана числовыми симпатиями Кузанца) есть и понятие эстетическое. Многие характеристики ее: неделимость, нематериальность, уникальность, одушевленная самозаконность, способность к саморазвитию, «историчность», участие в механизмах перцепции и апперцепции, единство в ней глубокой субъективности и внутреннего динамизма (что придает ей вид становящейся смысловой целостности), психофизическая выразительность — все эти моменты наводят на мысль, что монада Лейбница — ни больше ни меньше как художественное произведение. Эта мысль не покажется слишком далекой от истины, если вспомнить, что Универсум Кузанца, Бруно и Лейбница — тварный, обладающий эстетико-числовой самодостаточностью, вмененной бытию как онтологический закон. Универсум предстает в глазах подобных систем эстетическим артефактом, и это его качество зеркально отражено в бесчисленных монадах Лейбница. Историкам философии все яснее становится зависимость биологического преформизма Лейбница от идей Николая Кузанского о свертывании и развертывании, связь программы универсального языка математики с табличной нумерологией бытия у Кузанца; показательна общность мыслителей в их рассуждениях о корреляции математического и этического.

Опосредованным отражением и развитием идей Кузанского является эстетико-числовая программа Кеплера. Неопифагорейский энтузиазм автора «Космографической тайны» и «Гармонии мира» сочетает глубокие физико-астрономические прозрения с эстетическим восторгом перед зрелищем умных конструкций Космоса. Отметим одну черту мышления Кеплера, выдающую в нем прямого наследника ренессансной традиции гуманизма: соединение артистически-игрового отношения к проблеме и утонченного визионерства[9]. Полагая, вслед за Николаем Кузанским, троичность в основу мира, Кеплер разрушает идеальные круговые орбиты планет, превращая их в овалы, но тем явственнее звучит для него «музыка сфер». Космографическая эстетика Кеплера строит образ мира на идее гармонической организменности, что полемически противостоит всем (от Боэция до Ламетри) представлениям о Вселенной как «махине» и «сверхмеханизме».

Как и для Кузанца, динамическая целостность Кеплерова Универсума — свидетельство его «нумерологичности» (однако если для первого геометрическим символом мироздания был шар, то для второго это сфера). Музыкально-геометрические архитектуры Космоса, которые с такой тщательностью строят Коперник, Галилей, Ньютон, Лаплас, Тициус, Паскаль, Гумбольдт и др., говорят о стремлении эпохи сохранить за числом его эстетическое реноме.

Типологически родственна эстетике Кузанца, с одной стороны, а с другой — обнаруживает элементы барочного стиля мышления концепция Сковороды. Наследник александрийской герменевтики,

осложненной прямым влиянием Боэция и Кузанца, странствующий философ создает неопифагорейскую художественную теологию (которая без остатка растворена в затейливой узорности его стиля) и окрашенную числовой эйдологией космогонию. В трехипостасном мире Сковороды мы встречаем симметрию как принцип его организации («искуснейшая архитектурная симметрия как модель»[10]) и «фигуры», которые составляют символический алфавит мира («архитипосы»[11]) и его геометрический азбуковник. Мир Сковороды, создан «математиком или геометром»[12], ибо симметрия, пропорция и размер — «всему связь и голова материалу»[13]. Вслед за Платоном Сковорода считает философию (как и искусство) «высокой забавой» (она есть «врачество и оживотворение сердца»[14]) игрой[15]; приемами этой игровой философии осмысляется «система мира», прекрасного, как «храм божий»[16], занятного, как «книга»[17], сложного, как «машинище, из машинок составленный»[18], имеющего свою геометрию и числовое «изо-бытие» в «фигуральном мире», т. е. символах и эмблемах (см., например, «фигуры» семерки[19]. Барочная эстетика числа у украинского герменевтика ждет своих исследователей[20].

Прямая заслуга Николая Кузанского в истории числовых концепций состоит в универсализации числа. Если для Данте эта категория — художественный повод для символа и эмблемы (а также весьма серьезное средство поэтики в прозе и в «Божественной Комедии»); если для Луки Пачоли в числе демонстрирует свою «волю к гармонии» Божественная Пропорция; если для Фичино и Пико в числе дан принцип онтологической таксономии и всяческого иерархизирования бытия; если для Леонардо в числе воплощено художественно-инженерное единство «тэхнэ»; если для Бруно число прежде всего космогонично, а для Бёме — теологично; если для Рабле, Т. Мора, Ф. Бэкона и Кампанеллы число есть элемент художественного мира литературной утопии, то Николаю из Кузы свойственно стремление свести разрозненные аспекты этого понятия в целостную теорию Числа, в которой оно осознано структурно и ценностно, «деятельностно». Эпохе Возрождения в числе виделись большие методологические и жизненно-практические возможности. Но как только эти возможности были прояснены число — на пороге рационалистической эпохи и эпохи расцвета естественнонаучной мысли — переживает драму распадения двуединой своей природы на автономные аспекты: эстетика числа подавляющее большинство своих проблем трансформирует в философско-математические, а геометрико-числовая онтология и гносеология задают свои вопросы бурно развивающемуся точному знанию.

Перечень философов и писателей, переживших и по сей день испытывающих прямое или отраженное влияние мысли Николая из Кузы, впечатляет своим объемом. Среди многих причин, объясняющих исторически устойчивое обаяние раннеренессансного мыслителя, есть, видимо, и какая-то основная. Ею может быть только гуманизм как мировоззренческая опора и диалектика как философский метод. «Homo Numerans» Кузанца, вокруг и ради которого развернута доступная познанию прекрасная упорядоченность мира,

стал для истории философии и эстетики не только выразительным итогом на пути открытия в человеке эстетической деятельности как специфического мироотношения, но и началом сложного движения европейской мысли к теории профессионального эстетического творчества.

[1] *Асмус В. Ф.* Натурфилософские и научные идеи Николая Кузанского//Фронт науки и техники. 1938. № 2. С. 140—145.

[2] *Тажуризина З. А.* Философия Николая Кузанского. М., 1972; *Она же.* Николай из Кузы: Вступ. ст.//Кузанский Н. Соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 5—44; *Соколов В. В., Тажуризина З. А.* Николай Кузанский//Вопр. философии. 1964. № 10; *Соколов В. В.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962. С. 47—53/ *Он же.* Николай Кузанский//Филос. энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 70—71; *Он же.* Николай Кузанский//История диалектики XIV—XVII вв. М., 1974; *Горфункель. А. Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 53—70; *Бибихин В. В.* Николай Кузанский//Филос. энцикл. слов. М., 1983. С. 435.

[3] *Библер В. С.* Мышление как творчество. М., 1975. С. 90—103.

[4] *Шестаков В. П.* Гармония как эстетическая категория. М., 1973. С. 87—127; *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 291—316.

[5] *Тажуризина З. А.* Философия Николая Кузанского. С. 115—121. Важным шагом в изучении эстетики Кузанца (и, в частности, эстетических нюансов числа) является статья В. В. Бибихина «Эстетическое у Николая Кузанского» (Эстетика и жизнь. М., 1978. Вып. 6. С. 257—262) и его комментарий к переводам трактатов «О красоте» и «О душе» (Там же. С. 271—274; 279). В работе В. В. Бибихина удачно преодолена опасность модернизации Кузанца. «Если настаивать на употреблении философских категорий нового времени, то человек у Николая Кузанского займет скорее место не субъекта, а объекта, на которого своими бесчисленными проявлениями смотрит бытийная красота, зовя его к своему совершенству и ясности» (Там же. С. 260). Добавим, однако, что «деятельностный» пафос гносеологии Николая из Кузы, растущий на идее изоморфизма микро- и макрокосма, как раз и связан с тем, что среди познавательных способностей человека есть умение творческого соучастия в общебытийных процессах свертывания-развертывания, а это ставит его на позицию внутреннего, т. е. субъективного, уразумения доли «человеческого» в динамической картине Универсума.

[6] См.: *Ульянова О. Н.* Число в истории эстетического опыта//Филос. науки. 1986. № 5. С. 147—151.

[7] См.: *Гилберт К., Кун Г.* История эстетики. М., 1971. С. 181—182.

[8] См.: *Майоров Г. Г.* Теоретическая философия Г. В. Лейбница. М., 1973.

[9] «Из игры (поскольку мы говорим, что природа забавляется) я извлекаю всеобщее начало и переношу его в область серьезных намерений» (цит. по: *Черняк В. С., Кейра А.* Кеплер и новая астрономия//История становления науки: Реф. сб. М., 1981. С. 88). Сосредоточенное внимание к игре как специфично эстетической деятельности роднит Кузанца, Кеплера и Лейбница.

[10] *Сковорода Г.* Соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 114.

[11] Там же. М., 1974. Т. 2. С. 153.

[12] Там же. Т. 1. С. 114.

[13] Там же. С. 133.

[14] Там же. Т. 2. С. 126.

[15] Там же. С. 113, 124, 159.

[16] Там же. С. 140, 148.

[17] Там же. С. 137.

[18] Там же. С. 16.

[19] См.: Там же. С. 8, 23—31, 53, 151, 153.

[20] Неочевидным аналогом Сковороде могла бы послужить «Арифмология» Н. Спафария, где числа подвергаются этико-эстетической интерпретации. См.: *Спафарий Н.* Эстетические трактаты/Подгот. текста и вступл. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978; *Кедров И.* Николай Спафарий и его «Арифмология»//Журн. М-ва нар. просвещения. СПб, 1876. Ч. CLXXXIII. Т. 183. С. 1—31; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 134—135, 158.